

Славяноведение, 2024, № 2, с. 92–104

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 92–104

DOI: 10.31857/S0869544X24020082, EDN: zdkiai

Оригинальная статья / Original Article

Типология и лексикография: русский глагол *бросить* и его сербский переводной эквивалент *бацити* на типологическом фоне

© 2024 г. Д.А. Рыжова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Российская Федерация)

daria.ryzhova@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта
Российского научного фонда № 23-28-00126,
<https://rscf.ru/project/23-28-00126/>.

Аннотация. Статья написана в рамках проекта «Сопоставительная лексикология сербского и русского языков», одной из ключевых задач которого является разработка теоретической и методологической базы для подготовки нового сербско-русского словаря. В статье на примере двух переводных эквивалентов – русского *бросить* и сербского *бацити* – рассматривается роль доступного типологического фона в сопоставительном анализе семантики и сочетаемости слов из близкородственных языков. В качестве типологического фона используются описания семантического поля бросания в нескольких разнотипных языках, выполненные в русле фреймвого подхода к лексической типологии. Показано, что опора на сведения о принципах лексикализации семантического поля бросания в языках мира позволяет выявить тонкие различия в употреблении переводных эквивалентов, такие как более сильное отклонение от прототипической ситуации бросания для русского *бросить* по сравнению с сербским *бацити* (и, как следствие, более широкая область употребления русского *бросить* в этой семантической зоне) и различия между русской и сербской конструкциями бросания с целью достижения определенной конечной точки. Такие результаты дают основание предполагать, что систематическая опора на типологические закономерности может оказаться полезной при составлении лексикографических описаний и других семантических зон.

Ключевые слова: лексическая семантика, близкородственные языки, глаголы бросания, сочетаемость, конструкции, корпусная лингвистика, сравнительное исследование.

Ссылка для цитирования: Рыжова Д.А. Типология и лексикография: русский глагол *бросить* и его сербский переводной эквивалент *бацити* на типологическом фоне // Славяноведение. 2024. № 2. С. 92–104. DOI: 10.31857/S0869544X24020082, EDN: zdkiai

Typology and Lexicography: The Russian Verb *Brosit'* and its Serbian Translational Equivalent *Baciti* on a Typological Background

© 2024. Daria A. Ryzhova

HSE University
(Moscow, Russian Federation)

daria.ryzhova@mail.ru

The research is supported by the Russian Science Foundation,
grant No. 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>.

Abstract. The paper presents the research conducted for the project “Comparative lexicology of the Serbian and Russian languages”, one of the key tasks of which is the development of a theoretical and methodological basis for a new Serbian-Russian dictionary. Using the example of two translational equivalents – Russian *brosit'* and Serbian *baciti* – the paper examines the role of an accessible lexical typological background in a comparative analysis of semantics and distribution of words from closely related languages. We show that basic knowledge about the principles of lexicalization of the semantic field of throwing in the languages of the world makes it possible to identify subtle differences in the use of translational equivalents, such as a stronger deviation from the prototypical throwing for Russian *brosit'* in comparison to Serbian *baciti* and differences between Russian and Serbian constructions with the meaning of throwing to a target. We believe that systematic account of typological patterns would be useful for compiling lexicographic descriptions of other semantic domains as well.

Keywords: lexical semantics, closely related languages, verbs of throwing, distribution, constructions, corpus linguistics, comparative study.

For citation: Daria A. Ryzhova. Typology and Lexicography: The Russian Verb *Brosit'* and its Serbian Translational Equivalent *Baciti* on a Typological Background // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 2. P. 92–104. DOI: 10.31857/S0869544X24020082, EDN: zdkiaiy

1. Введение

В грамматических исследованиях последних лет много внимания уделяется основам для сопоставления данных разных языков, как далеких друг от друга ареально и генетически, так и близкородственных, ср. понятия *comparative concepts* [Haspelmath 2010] или *универсальный грамматический набор* [Плунгян 2011]. Примечательно, что такие «надъязыковые» каркасы используются не только в типологических исследованиях, но и для практических целей: на их основе создаются грамматические описания отдельных языков, поскольку наличие готовых лекал упрощает и структурирует процесс анализа новых данных, а также делает материал сразу доступным для сопоставления.

Лексических значений, безусловно, больше, чем грамматических, и они в большей степени связаны с культурными, антропологическими, историческими особенностями конкретного социума. Из-за этого сформировать набор лексических значений, который был бы более или менее единым для всех языков, значительно сложнее. Однако и для лексики разрабатываются методики определения *tertium comparationis*, ср. психолингвистический (денотативный) подход [Majid 2011, 2015], метод естественных семантических примитивов [Goddard, Wierzbicka 1994, Вежбицкая 1996], корпусный подход с опорой на параллельные тексты [Wälchli, Cysouw 2012, Östling 2016], фреймовый подход к лексической типологии [Рахилина, Резникова 2013] и др. Для целого ряда семантических полей уже проведены подробные лексико-типологические исследования (см. глаголы еды и питья [Newman 2009], разделения на части [Majid, Bowerman 2007], помещения и удаления [Копеcka, Narasimhan 2012],

плавания [Майсак, Рахилина 2007], падения [Рахилина и др. 2020] и многие другие), разрабатываются и постоянно пополняются большие многоязычные базы данных, ср. лексические базы CLICS¹ [Rzymiski et al. 2020] и DatSemShift² [Zalizniak et al. 2012, Zalizniak 2018].

Безусловно, всех этих достижений пока недостаточно для построения типологического каркаса лексической системы в целом, и описание всего лексикона отдельно взятого языка полностью на типологическом фоне — подобно тому, как сейчас принято описывать грамматические системы — пока остается делом будущего. Тем не менее объем накопленных лексической типологией данных уже столь велик, что игнорировать его становится все труднее. В этой работе будет показано, как имеющиеся сведения о типологических релевантных противопоставлениях внутри семантического поля могут обогатить и уточнить лексикографические описания переводных эквивалентов в двуязычном словаре.

Работа выполнена в рамках подготовки нового сербско-русского словаря — это означает, что мы имеем дело не просто с двуязычным словарем, а со словарем двух близкородственных языков. Полезность типологической базы для такого рода задачи может быть неочевидна: известно, что типологи с большой осторожностью относятся к данным родственных языков и стараются исключать их из своих выборок, считая, что различия между такими языками слишком тонкие для широких типологических обобщений. Это, в свою очередь, дает основания опасаться, что типологические лекала окажутся слишком грубыми для сравнительного описания данных близких языков.

Однако практика показывает, что для работы с лексикой это ограничение нерелевантно. Целый ряд исследований, выполненных в разных парадигмах, разными исследователями и на материале разных языков, демонстрирует, что даже в близкородственных языках лексические системы могут очень сильно отличаться друг от друга, что связано с большей подвижностью лексики по сравнению с грамматикой [Кашкин 2013, Majid et al. 2015, Koptjevskaja-Tamm 2022]. В этой работе на материале двух переводных эквивалентов, сербского *бацити* и русского *бросить*, будет показано, как ориентация на данные других языков позволяет увидеть различия между двумя на первый взгляд очень близкими лексическими единицами.

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом. В разделе 2 будет представлен небольшой типологический обзор, из которого будет видно, какие семантические противопоставления имеют тенденцию выделяться лексически в языках мира. Затем с опорой на словарные и корпусные данные будет показано, как русский глагол *бросить* накладывается на типологический каркас: какие из тех значений, которые характерны для глаголов бросания в других языках, он выражает, а на какие, напротив, не распространяется (раздел 3). После этого, в разделе 4, то же самое будет проделано с сербским глаголом *бацити*, что позволит сопоставить его с русским аналогом. Наконец, в заключении (раздел 5) будут подведены итоги.

2. Типология глаголов бросания

В своих прямых, базовых употреблениях и русский глагол *бросить*, и сербский *бацити* обозначают каузацию перемещения объекта по воздуху, где каузирующим субъектом контролируется только начальная фаза (собственно

¹ Rzymiski, Christoph and Tresoldi, Tiago et al. 2019.

² Zalizniak A. et al. (2016–2020).

каузация), а дальнейшее перемещение объекта происходит без контроля со стороны каузатора (в отличие от глаголов типа *нести*, см. [Margetts et al. 2022]). У обоих глаголов есть множество переносных употреблений, часть из которых в двух языках совпадает (ср. *бросить взгляд* – *бацити поглед*), а часть различается (ср. русск. *бросить жену* – сербск. *напустити жену* или сербск. *бацити из куће* – русск. *выгнать из дома*). Не ставя перед собой задачу исчерпывающего сопоставления моделей полисемии этих двух глаголов, сфокусируемся на физической ситуации бросания – оказывается, что уже здесь скрыто множество семантических противопоставлений, регулярно маркируемых лексически в языках мира.

Прототипическая ситуация бросания включает несколько стадий:

- 1) замах, с помощью которого придается импульс перемещаемому объекту;
- 2) момент потери контакта между каузирующим субъектом и каузируемым объектом;
- 3) перемещение объекта по воздуху;
- 4) достижение объектом конечной точки перемещения, т.е. его контакт с конечной точкой.

Типологически регулярные лексические противопоставления в этой зоне, согласно [Ивтушок 2015, 2016] и [Bagirokova et al. under review], связаны с «высвечиванием» или, наоборот, «затемнением» разных стадий. Так, например, многие глаголы бросания, помимо прототипического сценария, подходят также для обозначения ситуаций, в которых отсутствует стадия 1 – замах. Это случаи, когда субъект не задает объекту импульс, а просто намеренно перестает удерживать с ним контакт, тем самым позволяя ему прийти в движение. В таких ситуациях у субъекта нет намерения переместить объект на существенное расстояние; главная его цель – прекращение контакта, избавление от объекта, см. пример (1) из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ³).

(1) *Ты и в самом деле, – говорит второй, – брось ружье-то.* [Николай Дубов. На краю земли (1950)]

В некоторых языках для обозначения таких ситуаций есть специальные лексические средства. Один из самых наглядных примеров таких систем дает английский, где основной глагол бросания *to throw* не распространяется на ситуации прекращения контакта без придачи объекту импульса для перемещения. Эту нишу занимает глагол *to drop*, обозначающий и преднамеренную, и случайную потерю контакта с объектом, ср. пример из параллельного англо-русского корпуса НКРЯ (2).

(2) *He dropped his gun and radio, raising his hands over his head.* – И он бросил на пол рацию и револьвер и поднял руки вверх. [Dan Brown. The Da Vinci Code (2003) | Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

Другая типологически распространенная стратегия лексикализации ситуации бросания – это наличие специальных лексических средств для высвечивания последней стадии события, т.е. контакта объекта с конечной точкой перемещения. Финальная стадия важна в тех случаях, когда субъект бросает объект не для того, чтобы от него избавиться, а для того, чтобы поразить им какую-то цель. Так, например, во французском, помимо базового глагола бросания *jeter*, есть также глагол *bombarder*, который специализируется именно на бросании

³ Национальный корпус русского языка. 2003–2023.

в цель [Ивтушок 2016]. Аналогичное противопоставление характерно для чешских глаголов *hodit vs. trefovat (se)*, см. (3–4), адыгейских *-dz-* и *-we-* [Bagirokova et al. under review] и др.

(3) *Je opravdu vystudované, že když **hodíte** kouli, ta přijde mezi kuželku 1 a 3 pod úhlem 6,8 stupňů, tak je to sto procentní strike.*

‘На самом деле доказано, что, если вы бросаете шар и он проходит между кеглями 1 и 3 под углом 6,8 градусов, это стопроцентный страйк’. (SYN2020⁴, цит. по: [Подгорная 2021], пример 15)

(4) *Lidé **trefuje** kameny / **se trefuji** kameny na ptáky.*

‘Люди закидывают птиц камнями’ (пример 34 из [Подгорная 2021]).

Также на лексикализацию поля бросания в разных языках могут влиять семантические свойства участников ситуации: объект перемещения может быть единичным (ср. мяч), множественным (камни), сыпучим (песок) или даже жидким (вода); конечная точка перемещения объекта может представлять собой контейнер (как корзина в баскетболе), горизонтальную или вертикальную поверхность (земля vs. стена), одушевленный объект (человек); каузация перемещения может осуществляться с помощью руки или других (квази-)инструментов (ноги, биты, оружия). Во многих языках есть специальные лексические средства для описания броска, осуществляемого с особой силой, часто в эмоциональном порыве, ср. русск. *швырнуть* или сербск. *завитлати*.

И в русском, и в сербском языке семантическое поле бросания богато лексически. В русском языке к этой области относятся глаголы *бросать, кидать, швырять, метать, выпускать* и некоторые другие; в сербском – *бацати, хитати, вргати, метати, завитлавати* и др. Анализ этих систем, как внутриязыковой, так и сопоставительный – особая задача, заслуживающая отдельного исследования. В этой работе сделан лишь первый шаг в этом направлении: центральные лексические единицы этих двух систем – глаголы *бросить* и *бацати*⁵ – сопоставлены по двум основным типологически распространенным параметрам. К этим параметрам относятся наличие vs. отсутствие стадии замаха и наличие vs. отсутствие фокуса на конечной точке перемещения.

3. Русский глагол *бросить* на типологическом фоне

3.1. Наличие vs. отсутствие замаха

В Активном словаре русского языка под редакцией Ю.Д. Апресяна (далее – АСРЯ) для глагола *бросать* выделяется несколько значений, из которых для поставленной задачи релевантно первое. Оно включает в себя три подзначения:

бросать 1.1 ‘делать так, что летит’: *бросать камешки в воду, бросать снежками в окно.*

бросать 1.2 ‘давать падать’: *бросать окурки на пол.*

бросать 1.3 ‘оставлять’: *бросать сумку на диване*⁶.

По такому представлению ясно видно, что русский глагол *бросать* нечувствителен к параметру наличия/отсутствия замаха и может обозначать оба типа

⁴ Křen M. et al. SYN2020.

⁵ В этой работе формы совершенного и несовершенного вида считаются относящимися к одной лексической единице (*бросить/бросать* и *бацати/бацати*). Если то или иное значение характерно только для одного из членов видовой пары, это указывается эксплицитно.

⁶ АСРЯ, 360.

ситуаций: значение 1.1 ('делать так, что летит') представляет собой прототипическое бросание с замахом, а значение 1.2 ('давать падать') как раз в точности соответствует бросанию без этой предварительной стадии.

Интересно при этом, что значение 1.3 ('оставлять') демонстрирует еще более сильное отклонение от прототипа – в том же направлении. Классическая «ядерная» ситуация бросания устроена следующим образом. Есть субъект (человек), который действует намеренно и целенаправленно. Он держит в руке (или в руках) объект, с которым он хочет прекратить контакт (просто от него избавиться или поразить им какую-то цель – не принципиально; важно, что объект не должен больше находиться в руках у субъекта). Субъект прикладывает силу (делает замах), чтобы привести объект в движение, и выпускает его из рук. Объект перемещается некоторое время, а затем достигает конечной точки. В результате объект меняет свою дислокацию, а субъект остается без объекта.

Как мы уже говорили, в случае с бросанием без замаха (значение 1.2 по АСРЯ) обрисованная нами классическая ситуация несколько видоизменяется: субъект не прикладывает силу, а просто выпускает объект из рук. Объект все равно перемещается, но на небольшое расстояние. Значение 1.3 по АСРЯ интересно тем, что оно почти не подразумевает (а в некоторых случаях и совсем не подразумевает) перемещения объекта: сумка могла уже находиться на диване, и глагол *бросать* в данном случае означает только намеренное прерывание субъектом контакта между ним и объектом.

Чаще всего в случаях типа 'бросать сумку на диване' субъект выпускает объект из рук, тем самым оставляя его на месте, а сам, наоборот, перемещается, ср. пример (5). Следующий шаг в отклонении от прототипа – устранение ограничения на особый вид исходного контакта субъекта с объектом: объект необязательно должен находиться у субъекта в руке, ср. *бросить машину (и поехать на метро)*. В таких случаях от ядерной ситуации бросания остается только одно: преднамеренная потеря контакта между субъектом и объектом, который он так или иначе контролировал. Этот переход от ядра к периферии схематически изображен на рис. 1.

(5) Прочитал, *бросил ручку* и опять стал ходить по кабинету. [Василий Шукшин. Шире шаг, маэстро! (1970)]

Наконец, исходный контакт субъекта с объектом может быть и не кратковременным физическим, а более комплексным и абстрактным. Для описания разрыва такой связи по инициативе субъекта тоже используется глагол *бросить*, ср. *бросить девушку, бросить ребенка*. В АСРЯ таким употреблением соответствует значение 2.1 ('прекращать отношения с кем-л.') – такой переход уже можно считать метафорическим.

Рис. 1. Типы ситуаций бросания: отклонения от прототипа.

3.2. Наличие vs. отсутствие фокуса на конечной точке перемещения

Наличие или отсутствие фокуса на конечной точке перемещения в конструкциях с глаголом *бросать* на первый взгляд не так очевидно. Морфосинтаксически глагол допускает как опущение участника с ролью конечной точки, так и его поверхностное выражение, ср. (6–7). Интересно, однако, что из синонимического ряда русских глаголов бросания — *бросить*, *кинуть*, *метнуть*, *швырнуть* — именно *бросить* реже всего употребляется в сочетании с обозначением конечной точки перемещения объекта. На рис. 2 это показано схематически. Из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка было случайным образом извлечено по 100 примеров употребления каждого из четырех глаголов, в каждом примере было размечено наличие или отсутствие поверхностного выражения конечной точки. Круговые диаграммы на рис. 2 показывают соотношение примеров с конечной точкой и без нее для каждого из четырех глаголов⁷.

(6) Пензер сделался для сотрудников «Централизованного стройзаказчика» чем-то вроде чемодана без ручки: нести тяжело, а **бросить** жалко. [Владимир Димов. Не буди лиха // Однако. 2009]

(7) Он снял с крючка еще трепетавшего в руках подлещика, **бросил на траву**, где, как заметил солдат, уже лежало несколько ранее выловленных рыбин. [Василь Быков. Волчья яма (1999) // Дружба народов. 15.07.1999]

Рис. 2. Частотность поверхностного выражения конечной точки при глаголах *бросить*, *кинуть*, *метнуть*, *швырнуть*. Наличие признака соответствует выраженной конечной точке.

⁷ Благодарю Евгения Чугреева за подсчет статистики по корпусу и построение графиков.

Между тем в АСРЯ при описании значения *бросать* 1.1 упоминаются также «суженные» употребления этого глагола с семантикой 'бросать А2 в направлении А3 с целью поразить А3'⁸. В таких примерах меняется модель управления глагола: прямой объект опускается до непрямого, выраженного творительным падежом, а выражение конечной точки его перемещения действительно становится обязательным, ср. (8). Однако такие примеры в корпусе единичны.

(8) *Когда мы возвращались к Конгресс-Центру, кто-то из ирландцев бросил камнем в проезжавшую машину* [И.Ю. Стогов. Мачо не плачут (2001)].

Более распространенный способ выделить участника с ролью конечной точки в ситуации бросания в русском языке — поместить в конструкцию с объектом перемещения в творительном падеже не глагол *бросать*, а его возвратный дериват *бросаться*, см. (9). 'Бросать, чтобы попасть' — его основное значение по АСРЯ⁹. Важно, что эта конструкция подходит только для описания множественных бросков, глагол совершенного вида *броситься* в ней недопустим. Интересно при этом, что сам участник с ролью конечной точки может быть не выражен поверхностно, но он всегда подразумевается (выводится из контекста), ср. пример (10), где участники действия очевидно бросаются друг в друга.

(9) *Помню, нам давали вкусную маринованную селедку. Насытившись, мы бросались ею в сидящих за столом напротив.* [В.Н. Дьяков. Жизнь Василия Дьякова, рассказанная им самим // Уральская новь, 2004]

(10) *Сходили там с ума. Бросались подушками... И Андрей тогда сочинял хулиганские стишки, адресованные Евтушенко.* [И.Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)]

4. Сербский глагол *бацити* в сопоставлении с русским *бросить*

Известные нам лексикографические источники для сербского языка не дают четкого представления о том, может ли основной аналог русского *бросить* — *бацити* — обозначать бросание без замаха. Так, в словаре Матицы сербской (далее — РСКJ) основное значение этого глагола определено следующим образом: «замахом и пуштањем из руке нечему променити место, хитнути, врћи» (букв.: 'замахом и выпусканием из руки изменить местоположение чего-либо, кинуть, швырнуть'), — что очевидно подразумевает базовую ситуацию бросания с замахом. Среди других приведенных значений самым близким к бросанию без замаха кажется значение 2: «уклонити, одстранити, оставити, напустити» (букв.: убрать, устранить, оставить, покинуть), сопровождаемое иллюстрациями (11) и (12). Такие употребления соответствуют скорее правому краю шкалы на рис. 1 (ситуации 3, 4), однако если глагол покрывает и левый, и правый ее край, естественно предположить, что и промежуточные значения для него должны быть допустимы.

(11) *Доста су чамили салинци на тавану. Од пролећа — како су их тамо бацили, нико их се досад није сетио.*

'Довольно полозья томились на чердаке. С весны — как их там бросили, так до сих пор никто про них и не вспоминал'. (РСКJ, с. 150)

(12) *Мајка га оставила чим се родило, бацила га.*

'Мать оставила его, как только он родился, бросила его'. (РСКJ, с. 150)

⁸ АСРЯ, 361.

⁹ Там же, 363.

Примеры на промежуточные значения действительно находятся в корпусе, см. (13), иллюстрирующий ситуацию 2, и подтверждаются носителями. Интересно, однако, что значения с правого конца шкалы, упоминаемые в словаре Матицы сербской, на сегодняшний день, по-видимому, уже можно считать устаревшими: на запрос по сочетанию лемм «бацити» и «дете» в корпусе srWaC выдается всего 19 примеров, и во всех из них глагол *бацити* употреблен в буквальном значении бросания с замахом, см. пример (14). На запрос «бацити ауто» выдается всего один пример (15), где глагол *бацити* также выражает прямое значение каузации перемещения.

(13) *Šuje se kako jedan od policajaca kaže Jatimu da baci nož¹⁰.*

‘Слышно, как один из полицейских говорит Ятиму бросить нож’. (srWac: opustise.rs)

(14) *i kao nisi citala i videla slike kako je hteo da baci dete kroz prozor?*

‘А ты, что ли, не читала и не видела фотографии, как он хотел выбросить ребенка в окно?’ (srWac: blog.rs)

(15) *Posle sudara bacio auto u jezero.*

‘После столкновения он бросил машину в озеро’. (srWaC: novimagazin.rs)

Для описания преднамеренной потери контакта с небольшим предметом, помещающимся в руке, без замаха и без перемещения объекта (ситуация 3) глагол *бацити*, по-видимому, все же употребляется, но редко. Сочетания глагола с именованиями соответствующих объектов обычно выступают в контекстах других типов, но единичные примеры все же находятся, см. (16). Тем самым, если соотнести дистрибуцию глагола *бацити* с континуумом значений русского *бросить*, представленным на рис. 1, то будет видно, что сферы употребления переводных эквивалентов в этом фрагменте семантического поля немного различаются, см. рис. 3.

(16) *Dok mi se ruka kretala u smeru pisanja, srce i glava su me sve više boljeli. Bacio sam olovku, pokušao zaspati, ali nesanica je ponovno nastupila.*

‘Пока рука моя двигалась в направлении письма, сердце и голова у меня все больше болели. Я бросил ручку и попытался заснуть, но снова началась бессонница’ (Google¹¹).

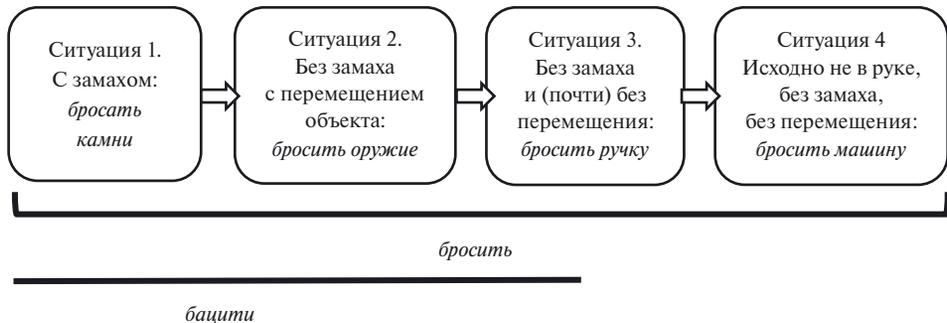

Рис. 3. Типы ситуаций бросания: русский *бросить* vs. сербский *бацити*.

¹⁰ Здесь и далее в примерах из корпуса сохранена авторская орфография.

¹¹ Ekrik.

Для выделения конечной точки перемещения объекта в сербском языке используются те же морфосинтаксические средства, что и в русском: прямой объект опускается в позицию непрямого, а глагол ставится в возвратную форму. Существенное отличие, однако, заключается в том, что в сербском языке в эту конструкцию встраивается глагол не только несовершенного, но и совершенного вида, т.е. конструкция может обозначать не только многократные, но и однократные броски в цель. Так, в примере (17) из корпуса srWaC мы видим форму аориста¹², которая в современном языке образуется «почти исключительно от основ совершенного вида» [Егорова 2022, 17]. Участник с ролью цели вводится при этом предлогом *na*, в отличие от русского языка, где в этой конструкции фигурирует предлог *в*.

(17) *Jedan od monaha baci se kamenom na eparha i udari ga po glavi.*

‘Один из монахов бросил в епарха камень и попал ему по голове’. (srWaC: eparhijaniska.rs)

Значение бросания в цель дается в качестве первого для возвратного глагола совершенного вида *бацити се* в словаре. Однако понять, что это именно бросание в цель с фокусом на конечной точке, по словарному определению не так просто: значимость конечной точки никак не эксплицируется, вместо дефиниции дается просто отсылка к первому значению невозвратного *бацити*, и единственное, что намекает на особенность семантики возвратного глагола по сравнению с его невозвратным коррелятом, — это модель управления, в которой заданы оба участника, и соответствующий пример, см. фрагмент словарной статьи в (18).

(18) (нечим на нешто) *в. бацити (1a)*. — Дохвати бабину нову папучу ... и **баци се** свом силином на кокош.

‘(чем-то в кого-то) см. бацити (1a). — Он(а) схватил(а) папин новый тапок ... и **бросил(а)** его изо всех сил в курицу’. (РСКЖ, с. 151)

5. Заключение

В этой статье рассмотрен очень узкий фрагмент лексических систем русского и сербского языков: из каждого языка взято по одному глаголу (русс. *бросить* и сербск. *бацити*), и их употребления сопоставлены только в самых базовых, прямых, физических значениях. Тем не менее уже на этом уровне между переводными эквивалентами обнаруживаются существенные различия, даже несмотря на то, что мы имеем дело с близкородственными языками. Оба глагола могут описывать как прототипическую ситуацию бросания с замахом, так и отклонения от нее (бросание без замаха), но русское *бросать* уходит несколько дальше от прототипа, чем современное сербское *бацити* (ср. рис. 3). Так же как и *бросать*, *бацити* в своих базовых употреблениях не выделяет конечную точку перемещения объекта (она может быть незначима и не выражена поверхностью), а для профилирования конечной точки в обоих языках используется конструкция с возвратным коррелятом глагола бросания (русс. *бросаться* и сербск. *бацити се*). Существенное различие между русским и сербским языками в этом фрагменте системы заключается в том, что русская конструкция допускает только глаголы несовершенного вида (*бросаться*, *кидаться*,

¹² О том, что это именно аорист, а не презенс, свидетельствует более широкий контекст: все повествование в этом фрагменте выдержано в аористе.

швыряться) и обозначает только множественные броски, а на аналогичную сербскую конструкцию такое ограничение не распространяется.

Эти различия достаточно тонкие, но они несомненно важны и с теоретической, и с практической точки зрения. Сопоставительные исследования таких расхождений позволяют приблизиться к понимаю принципам организации глагольной лексики в языках мира. В частности, наш русский и сербский материал показывает, что выбор глагола определяется не только набором участников ситуации, но и структурой самой ситуации, степенью значимости каждого из ее этапов и компонентов. С практической точки зрения эти семантические расхождения определяют особенности употребления: далеко не во всех контекстах (даже в рамках прямого значения) глаголы *бросать* и *бацати* являются непосредственными переводными эквивалентами, и эти различия должны быть отражены в двуязычных словарях.

Заметить такие нюансы в семантике и дистрибуции переводных единиц не так просто. Как правило, такие результаты можно получить только с помощью подробных корпусных исследований. В масштабах лексикографической работы, подразумевающей описание существенной части словарного фонда двух языков, глубокие сопоставительные исследования трудно осуществимы. Здесь и приходят на помощь достижения лексической типологии: если мы знаем, какие семантические параметры влияют на лексикализацию рассматриваемого поля в языках мира, мы понимаем, в каких точках системы нужно искать различия между переводными эквивалентами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АСРЯ – Апресян В.Ю. и др. Активный словарь русского языка. Т. 1–2 (А–Б, В–Г) / отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. ISBN 978-5-9906039-2-9.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru
- РСКЖ – Стевановић М., Марковић С., Матућ С., Пешикан М. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб: Матица Српска, 1967.
- CLICS – Rzymiski C. et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019. DOI: 10.1038/s41597–019–0341-x. URL: <https://clics.cild.org/>.
- DatSemShift – Zaliznjak A. et al. Database of Semantic Shifts. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016–2020. <https://datsemshift.ru/>.
- Ekrik – <http://ekrik.petagimnazija.hr/2018/02/02/knjizevni-kutak-za-citateljjski-trenutak/>.
- srWaC–Ljubešić N., Klubička F. Serbian web corpus srWaC1.1, Slovenian language resource repository CLARIN.SI, ISSN 2820-4042, 2016. <http://hdl.handle.net/11356/1063>.
- SYN2020 – Křen M. et al. SYN2020: reprezentativní korpus psané češtiny. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha, 2020. <http://www.korpus.cz>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
- Егорова М.А. О семантике и дискурсивных функциях аориста и плюсквамперфекта в современном сербском языке (на материале романа Милорада Павича «Внутренняя сторона ветра») // Вопросы языкознания. 2022. № 3. С. 14–53.
- Ивтушок Е.И. Глаголы типа «бросать» в лексико-типологическом освещении / под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко // Типология морфосинтаксических параметров. Сборник трудов конференции. М.: МПГУ, 2015. С. 114–122.
- Ивтушок Е.И. К типологии глаголов со значением «бросать» / под ред. А.А. Кретова // Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 72–77.
- Кашкин Е.В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках): дисс. ... канд. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова, М., 2013.

- Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. 752 с.
- Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Подгорная А.Д. Глаголы бросания в чешском языке: лексико-типологическое исследование: курсовая работа / МГУ им. М.В. Ломоносова, М., 2021.
- Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
- Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.). Типология глаголов падения // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических Исследований [Специальный выпуск]. 2020. № 16 (1).
- Bagirokova I., Ryzhova D., Blinova A. Describing lexicon of an individual language on a typological background: The semantic field of throwing in West Circassian and beyond // Studies in Language. Under review.
- Goddard C., Wierzbicka A. (eds.). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1994. 522 p.
- Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies // Language. 2010. Iss. 3 (86). P. 663–687.
- Kopecka A., Narasimhan B. (eds.). Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. 389 p.
- Koptjevskaja-Tamm M. Talking temperature with close relatives: Semantic systems across Slavic languages / ed. by E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova // The typology of physical qualities. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2022. P. 215–268.
- Majid A. A guide to stimulus-based elicitation for semantic categories / ed. by N. Thieberger // The Oxford handbook of linguistic fieldwork. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 54–71.
- Majid A. Comparing lexicons cross-linguistically / ed. by J.R. Taylor // The Oxford handbook of the word. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 364–379.
- Majid A., Bowerman M. (eds.). Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective // Cognitive Linguistics. Iss. 18 (2) [Special issue]. 2007.
- Majid A., Jordan F., Dunn M. Semantic systems in closely related languages // Language Sciences. 2015. (49). P. 1–18.
- Margetts A. et al. Cross-linguistic patterns in the lexicalisation of bring and take // Studies in Language. 2022. Iss. 4 (46). P. 934–993.
- Newman J. The linguistics of eating and drinking. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. 298 p.
- Östling R. Studying colexification through massively parallel corpora / ed. by P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm // The lexical typology of semantic shifts. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2016. P. 157–176.
- Rzyski C. et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies // Scientific Data. 2020. Iss. 1 (7). P. 13.
- Wälchli B., Cysouw M. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs // Linguistics. 2012. Iss. 3 (50). P. 671–710.
- Zalizniak A. et al. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // New directions in lexical typology. [Special issue]. Linguistics. 2012. Iss. 3 (50). P. 633–669.
- Zalizniak A.A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Russian Journal of Linguistics. 2018. Iss. (22). P. 770–787.

Рукопись поступила в редакцию 07.10.2023

Рукопись принята к печати 26.11.2023

REFERENCES

- Bagirokova I., Ryzhova D., Blinova A. Describing lexicon of an individual language on a typological background: The semantic field of throwing in West Circassian and beyond. *Studies in Language*, Under review.
- Egorova M.A. On the semantics and discourse functions of the aorist and the pluperfect in Modern Serbian: A study of Milorad Pavić's novel *The Inner Side of the Wind*. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, iss. 3, pp. 14–53. (In Russ.)
- Goddard C., Wierzbicka A. (eds.). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*, Amsterdam, John Benjamins Publishing Company Publ., 1994, 522 p.

- Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*, 2010, iss. 3 (86), pp. 663–687.
- Ivtushok E. *Glagoly tipa «brosat'» v leksiko-tipologicheskom osveshchenii*, eds. E. Lyutikova, A. Zimmerling, M. Konoshenko. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*. Conference Proceedings, Moscow, MPSU Publ., 2015, pp. 114–122. (In Russ.)
- Ivtushok E. *K tipologii glagolov so znachenijem «brosat'»*, ed. A.A. Kretov. *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii*, vol. 3, Voronezh, VSU Publ., 2016, pp. 72–77. (In Russ.)
- Kashkin E. *Iazykovaia kategorizatsiia faktury poverkhnosti (tipologicheskoe issledovanie naimenovanii kachestvennykh priznakov v ural'skikh iazykakh)*. Diss. kand. filol. nauk. MSU, Moscow, 2013. (In Russ.)
- Kopecka A., Narasimhan B. (eds.). *Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective*, Amsterdam, John Benjamins Publishing Company Publ., 2012, 389 p.
- Koptjevskaja-Tamm M. Talking temperature with close relatives: Semantic systems across Slavic languages, ed. by E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova. *The typology of physical qualities*, Amsterdam, John Benjamins Publishing Company Publ., 2022, pp. 215–268.
- Maisak T., Rakhilina E. (eds.) *Glagoly dvizheniia v vode: leksicheskaia tipologiya*. Moscow, Indrik Publ., 2007, 752 p. (In Russ.)
- Majid A. A guide to stimulus-based elicitation for semantic categories, ed. by N. Thieberger. *The Oxford handbook of linguistic fieldwork*, Oxford, Oxford University Press Publ., 2011, pp. 54–71.
- Majid A. Comparing lexicons cross-linguistically, ed. by J.R. Taylor. *The Oxford handbook of the word*, Oxford, Oxford University Press Publ., 2015, pp. 364–379.
- Majid A., Bowerman M. (eds.). Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective. *Cognitive Linguistics*, iss. 18 (2) [Special issue], 2007.
- Majid A., Jordan F., Dunn M. Semantic systems in closely related languages. *Language Sciences*, 2015, (49), pp. 1–18.
- Margetts A. et al. Cross-linguistic patterns in the lexicalisation of bring and take. *Studies in Language*, 2022, iss. 4 (46), pp. 934–993.
- Newman J. *The linguistics of eating and drinking*, Amsterdam, John Benjamins Publishing Publ., 2009, 298 p.
- Östling R. Studying colexification through massively parallel corpora, ed. by P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm. *The lexical typology of semantic shifts*, Berlin; Boston, Walter de Gruyter Publ., 2016, pp. 157–176.
- Plungian V. *Vvedeniye v grammaticheskuiu semantiku. Grammaticheskije znacheniia i grammaticheskije sistemy iazykov mira*. Moscow, RSUH Publ., 2011, 672 p. (In Russ.)
- Podgornaya A. *Glagoly brosanii v cheshskom iazyke: leksiko-tipologicheskoe issledovanie*. Kursovaia rabota. MSU, Moscow, 2021. (In Russ.)
- Rakhilina E., Reznikova T. Freimovyi podkhod k leksicheskoi tipologii. *Voprosy iazykoznanii*, 2013, iss. 2, pp. 3–31. (In Russ.)
- Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. (eds.). *Tipologiya glagolov padeniia*, eds. E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova. *Acta Linguistica Petropolitana*. [Special issue], 2020, iss. 16 (1). (In Russ.)
- Rzymiski C. et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. *Scientific Data*, 2020, iss. 1 (7), p. 13.
- Wälchli B., Cysouw M. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs, *Linguistics*, 2012, iss. 3 (50), pp. 671–710.
- Wierzbicka A. *Iazyk. Kul'tura. Poznaniye*. Moscow, Russkije slovari Publ., 1996, 412 p. (In Russ.)
- Zalizniak A. et al. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *New directions in lexical typology*, [Special issue], *Linguistics*, 2012, iss. 3 (50), pp. 633–669.
- Zalizniak A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, iss. (22), pp. 770–787.

Received on 07.10.2023

Accepted on 26.11.2023

Информация об авторе:**Рыжова Дарья Александровна**

кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8387-0049
E-mail: daria.ryzhova@mail.ru

Information about the author:**Daria A. Ryzhova**

PhD (Philology), Associate Professor
HSE University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8387-0049
E-mail: daria.ryzhova@mail.ru